

Отзыв
официального оппонента на диссертационную работу
Сергея Михайловича Рябова
«Дипломатические, династические и экономические контакты Рус-
ского государства и Французского королевства в 1558–1581 гг.»,
представленную в диссертационный совет ФГАОУВО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина» 5.6.03.05 на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.1
Отечественная история

Актуальность и предметная область диссертации С.М. Рябова не вызывают сомнений. Нужно приветствовать источниковедческие хорошо фундированные исследования по истории дипломатии и международных отношений, тем более в наши дни, когда комплекс доступных источников стремительно пополняется архивными находками и новыми изданиями, а аналитическая работа требует владения несколькими иностранными языками и включения в широкую сеть научных коммуникаций, поддержание которой – это самоценная задача в гуманитарных и социальных науках. Рябов объездил ряд стран и городов и вел работы в шести древлехранилищах (в Российской Федерации, Швеции, Франции). Хорошо было бы привлечь к этой работе, по меньшей мере, источники из архивов Копенгагена, ряда городов Польши, из Австрии, Италии, Ватикана, Испании и стран Балтии. Однако условий для таких запросов было мало, а будущее, как говорил Станислав Лем, темно.

Выполненный к настоящему моменту объем работ – подчеркну: вполне достаточный для диссертационного исследования в его нынешнем формате – позволил С.М. Рябову прийти к неординарным и прежде неочевидным в ряде положений выводам. Диссертанту удалось пересмотреть стереотип о средиземноморском статусе Франции в правление династии Валуа (с акцентом на периоде Балтийских войн 1558-1581 гг.), увидеть в балтийских торговых коммуникациях свидетельство общеевропейской конкуренции, представить

знания о России вне привычной перспективы колониальной политики европейских держав, а видя в России активного игрока в борьбе за доминирование на морях. И что кажется мне особенно интересным, С.М. Рябову удалось представить восприятие московских политических реалий и самих событий российской жизни как часть общеевропейской политической борьбы.

Вызывает согласие углубленное внимание С.М. Рябова к таким направлениям исследования, как глобальная и новая дипломатическая история. Их сочетание удачно применено для раскрытия момента зарождения русско-французских отношений. В этом же ряду исследование в диссертации общеевропейских проблем – назревающей и разрастающейся религиозной войны, борьбы Ягеллонов за первенство над португальским правящим домом в иерархии европейских династий, вопрос торговли оружием в Европе. Автор углубился в недоисследованный вопрос «Польского наследства», установив конкурентную международную связь между монархиями Португалии, Франции, Венгрии, Речи Посполитой, а также Священной Римской империей, Османской империей и Святым Престолом. На это фоне тем более значимы союзы и расстановки сил в Балтийском регионе – в отношениях Франции с Датским и Шведским королевствами, Речью Посполитой и Российским царством.

Ценное открытие С.М. Рябова – антимонопольный характер русско-французских коммерческих отношений. Они развивались благодаря «Нарвскому плаванию», представлявшему альтернативу Ганзейской торговле и политике. Нарвские коммуникации затягивали, прежде всего, бретонцев, нормандцев, конкурирующих не только на Балтике, но и в самой Франции, и поддерживались в своем роде купцами-одиночками в Англии, где велась своя борьба против монополии набирающей вес Московской компании. Впрочем, на смену нарвским миссиям из Лилля, Руана, Ла Рошели в 1560-е гг. пришли дьеппские и парижские купцы, пользовавшиеся во Франции поддержкой королевской власти. Конечно, на фоне инициатив Англии в Восточно-Балтийском

регионе попытки Карла IX создать французскую монополию не выглядели столь же убедительно. Впрочем, монополию Московской компании подрывали не только сами же независимые купцы из Англии и купцы из Франции, но и Любек, Гамбург и Нидерланды.

На всем протяжении Ливонских войн торговцам из Франции препятствовали в их начинаниях не столько датские пошлины при проходе через Зунд и российско-английские привилегии, сколько шведские и польско-литовские полуофициальные каперы, иначе говоря – пираты на государственной службе. Подобные трудности в осуществлении торговли в условиях Религиозных войн во Франции, как показал С.М. Рябов, вызвали к жизни еще одну помеху – пиратство захлестнуло и сами французские миссии в Восточную Балтику, превратив гугенотов и католиков в противников друг для друга еще и в Северном море. Это не помешало французским монархам в канун Варфоломеевской ночи рассчитывать на Швецию в строительстве военного флота, а в 1572-1574 гг. французские кандидатуры чуть было не утвердились на польско-литовских и шведском королевских тронах. В том, что это не произошло, как показывает С.М. Рябов, не было никакой исторической закономерности, а была череда случайностей и неоднозначных решений.

Все изученные процессы осмыслены глазами французского представителя при датском дворе Шарля де Данзе, который не только вел переписку из Копенгагена с двором Валуа, но и участвовал в заговоре, направленном на свержение Юхана III Вазы в соседней Швеции, а после смены политического курса Генриха Валуа в отношениях с Москвой и Стокгольмом Данзе расхлебывал последствия этих перемен. В целом, его отношение к Восточной Балтике, скандинавским странам, Ливонии и России подернуто практицизмом и очевидными противоречиями. Данзе на начало 1575 г. допускал для Франции господство во всем регионе, но приводил множество невыполнимых или маловероятных условий. Возможно, противоречивость взглядов Ш. де Данзе не

обошла стороной и интерпретаций его свидетельств самим же диссертантом. К этому я в своем отзыве еще вернусь.

Отдельной похвалы заслуживает третья глава диссертации, где удачно подобраны и изучены реляции французских представителей в различных регионах Европы, сообщения летучего листка, опубликованного лионским печатником Жаном Патрассоном (1581 г.), и «Французского Меркурия» парижского типографа Жана Рише (1611 г.) о положении дел в Московии, надеждах на обращение Ивана Грозного в католичество, антиосманской коалиции и торговле на Балтике.

В терминологическую подкладку диссертации С.М. Рябова заложено противоречие, которое сказывается на ряде выносимых на защиту тезисов. И их нам придется обсудить в менее комплиментарной форме. В начале своей работы диссертант пишет: «царский двор [Ивана IV. – *К.Е.*] выразил явную заинтересованность в налаживании двустороннего экономического взаимодействия, основой которого стала контрабандная торговля вооружением и боеприпасами» (с. 22). «Московский двор, - продолжает С.М. Рябов, - отчасти рассматрива[л] Французское королевство как потенциального геополитического союзника...» (с. 22, цитата сокращена мной. – *К.Е.*). С этим невозможно согласиться, как и с последующим тезисом номер 4 диссертационной работы, согласно которому негативно на русско-французских отношениях сказались «события Варфоломеевской ночи, бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой и разрыв матримониальных планов дома Валуа по отношению к династии Васа» (с. 22). Стремление Генриха III Валуа к союзу с Москвой в диссертации абсолютизировано и неоднократно в заявленной вводными словами форме декларируется по ходу работы или выступает как переоцененный, на мой взгляд, фактор в международной политике.

Приведем примеры дискуссионных толкований диссертанта.

Предложение римского короля Максимилиана Ивану III о предоставлении помощи против Франции, обсуждавшееся через имперского посланника Георга фон Турна в Москве в 1490 г., Рябов комментирует следующим образом: «В случае положительного ответа русской стороны, отношения между Русским государством и Священной Римской империей походили бы, очевидно, на отношения между сюзереном и вассалом» (с. 42. Примеч. 147). Это ошибочный взгляд. Подобные соглашения в Европе того времени и позднее не предполагали зависимости и не ограничивали суверенитет, а входили в международные сделки различной конфигурации. Из чего же следует, что в этом случае великий князь московский боялся ослабления своего «имиджа» в Европе?

Оценивая отношение Сигизмунда I к миссии Антуана (Антонио) Ринкона, автор считает, что причиной осторожности короля в треугольнике с Францией и Священной Римской империей было неудачное завершение войны с Московским государством, утвердившее потерю Смоленска Великим княжеством Литовским в 1522 г. (с. 36). Однако причины могли быть совершенно иные: Ягеллонов связывали с Империей многоуровневые династические связи, подкрепленные политическими соглашениями. Война с Московией короля совершенно не сдерживала, а потерю Смоленска в Вильно как не признавали до 1522 г., так и продолжали считать незаконной. В этом ряду и выдвинутое С.М. Рябовым толкование слов эрцгерцога австрийского Фердинанда в письме Карлу V от 1 ноября 1524 г. Действительно, это письмо говорит о политическом торге, в котором имперский двор на протяжении десятилетия шантажировал Краков тем, что демонстративно поддерживал Москву, заставляя польского короля отказаться от сближения с Францией. Однако слова о поддержке «повелителя Московии» в этом письме относятся, на мой взгляд, не к событиям войны 1512-1522 гг., как полагает диссертант (с. 37-38), а к царскому

титулу, который Максимилиан I сначала признал за Василием III, а затем фактически денонсировал свое признание.

О сближении России и Швеции на фоне усиливающихся военных тревог в Дании и Франции С.М. Рябов пишет: «По причине того, что Пушечников не смог передать Эрику XIV предложение царя о заключении альянса и передаче московской стороне Екатерины Ягеллонки, Ивану IV пришлось сделать его вновь, на этот раз через прибывшего в Русское государство весной 1566 г. шведского дипломата Ханса Ларссона Бьернрама» (с. 64). Однако выше в диссертации С.М. Рябова справедливо отмечено, что миссия Третьяка Пушечникова столкнулась в 1565 г. с затруднениями, вызванными смертью главы посольства, но все же при этом была успешно закончена заменившим ее толмачом Нечаем Тамаровым (с. 57). По всей видимости, в данном сюжете также сказывается переоценка автором формальных структур в истории дипломатии. Остается под вопросом, почему выдача Катерины Ягеллонки из Швеции московскому царю затянулась на несколько лет и не была реализована из-за государственного переворота в Швеции. Очевидно, решение Эрика XIV не было ни безумным, ни скороспелым, и он преследовал далекоидущие политические интересы, отказываясь идти на поводу у Ивана Грозного.

Вызывает несогласие интерпретация слов Данзе из депеши от 18 декабря 1570 г.: «Данзе, высказывая опасения по поводу появления на Балтике русского флота, явно следовал польскому пропагандистскому дискурсу, активно продвигавшемуся Ягеллонами с начала XVI в.» (с. 94. Примеч. 383). Почему же только польский дискурс мог быть источником опасений французского представителя в Дании? Таковым могли быть и германские летучие листки, и собственно датские опасения, учитывая условия заключенного за несколько дней до этого Штеттинского договора (1570 г.).

В комментарии к посланию Ивана IV Максимилиану II от 20 ноября 1572 г. заметно спутана хронология. Со ссылкой на книгу В.В. Шишкина и Искры

Шварц, Рябов пишет, что император своим рассказом о Варфоломеевской ночи во Франции «рассчитывал на обострение русско-польских отношений, конфронтацию, которая позволила бы убедить коронных сенаторов и литовских панов изменить решение, принятое элекционным сеймом» (с. 104). Это было бы обсуждаемо, если бы речь шла о письме, написанном после сейма, однако письмо составлено за несколько месяцев до него. Император Священной Римской империи и московский царь поддерживали на выборах в Речи Посполитой друг друга, открыто выступая совместно против ряда других кандидатур.

Вообще, выводы о влиянии событий августа 1572 г. на балтийский и восточноевропейский регион в диссертации Рябова вызывают недоумение своей противоречивостью. С одной стороны, резня во Франции закономерно привела к недовольству протестантских монархов и, казалось бы, Ивана Грозного. С другой стороны, неоднократно по ходу работы и в ее выводах звучат слова о том, что в этот «короткий период» противостояния Ивана IV с Карлом IX и Генрихом III московский царь поддерживал уважительное отношение к французским монархам, считая их своими «братьями» (что в те годы было отнюдь не всеобщей «привилегией» в устах Ивана IV), а особенно ценны наблюдения С.М. Рябова о готовности обеих сторон к союзу после выборов в Речи Посполитой 1573 г. (что проявилось и в поддержании перемирия между Россией и Речью Посполитой). Этот вывод прямо противоречит ключевому тезису: Иван Грозный, несмотря на его посольские заявления, не считал Варфоломеевскую ночь помехой в своих контактах с домом Валуа. Однако если после Варфоломеевской ночи отношения между Россией и Францией улучшились, то не логично ли было бы предположить, что, вопреки заявлениям самого Ивана Грозного, улучшились они именно из-за резни протестантов в ночь святого Варфоломея?

Казалось бы, далекий от российских дел сюжет – женитьба Генриха III на Луизе Лотарингской в феврале 1575 г. Вот как комментирует эти события

С.М. Рябов: «...матримониальный альянс со Швецией однозначно интерпретировался бы Иваном IV как переход Франции в стан врагов Московского царства, что грозило обернуться для Валуа потерей выгодной торговли в Нарве, а также вторжением русских войск в пределы Речи Посполитой, корону которой Генрих III искренне надеялся сохранить, ведя переговоры с коронными сенаторами и панами-радой о передаче монаршего титула своему младшему брату – герцогу Алансонскому» (с. 126). Матримониальные союзы по всей Европе вряд ли вызывали постоянные паники в Москве, а паники московских властей по этому поводу вряд ли на кого-то вообще производили впечатление в Европе, особенно учитывая, что в европейской матримониальной политике Москва практически не участвовала. В то же время угроза вторжения московских войск в Речь Посполитую – это очень предметный страх. Чтобы доказать его влияние на политику Генриха III, нужны конкретные упоминания в источниках, которых диссертант в своей работе не привел.

Трудно принять ряд предположений коллеги об условиях изменившихся отношений между Россией и Речью Посполитой с приходом к власти в Короне и Литве Генриха Валуа. Если допущения С.М. Рябова верны, то можно было бы в мирных инициативах Москвы и Кракова увидеть подлинные мирные планы, а смирение Ивана IV перед результатом выборов в Речи Посполитой – готовность царя принять «“оздоровление” политической системы Речи Посполитой, пошедшей по невообразимому для царя пути шляхетских вольностей и федеративности» (с. 122). Не углубляясь в дискуссию, которая увела бы далеко в сторону, замечу только, что предметы воображения и готовности Ивана IV – крайне далеки от нашего понимания, особенно в тех делах, в которых он участвовал как конкурент и считал их своими делами.

В заключение три совсем точечных, но существенных замечания, все же заслуживающих упоминания. В самом начале своей работы С.М. Рябов со ссылкой на книгу С.Ф. Платонова 1925 г. говорит «о владении царскими

послами французским языком» (с. 14). Это, конечно, преувеличение, полученное на основе сообщений о ливонском пленении знаменитого дипломата времен Ивана Грозного Федора Писемского. Ему приписывали владение двумя древними языками и польским, насчет французского и немецкого сказано было только, что он на них «отчасти разумел». Я бы не придавал значения подобным заявлениям в подобных обстоятельствах.

Еще один момент касается царских и королевских итинерариев. Поскольку С.М. Рябов сделал уже немало в их изучении, призыву коллегу к осторожности и максимальной тщательности. 22 октября 1581 г. Иван Грозный был не в Старице, как пишет диссертант, а в Александровской слободе. Эта ошибка – плод невнимательного чтения монографии Б.Н. Флори (ср. с. 145-146, примеч. 580). Впрочем, в контексте исследования С.М. Рябова это – весьма несущественная оплошность.

Вызывает вопрос архитектоника диссертационной работы. В нынешнем виде многие существенные для темы интерпретации попали в примечания, которые из-за этого явно перегружены. Видимо, автор стремился выделить в основном тексте главным образом свои интерпретации, отделяя их от достижений предшествующей историографии и второстепенных наблюдений. Это оправданное усилие, но в примечаниях образовались настоящие залежи разноликих дополнений, иной раз весьма отдаленно касающихся комментируемого предмета из основного текста. Так, в примечании 552, заключительном в пространном вступительном предложении первого параграфа третьей главы и уже четвертом в одном этом предложении, почему-то ухудшившееся финансовое положение Шарля де Данзе служит иллюстрацией к тезису о падении влияния Франции в Балтийском регионе. В предыдущих примечаниях также затрагиваются самые разнообразные вопросы, которым место не в примечаниях, а скорее в тех или иных местах основного текста.

Диссертация С.М. Рябова является завершённым исследованием, хорошо вычитана и продумана по структуре и объёму разделов. Работая над своим исследованием, диссертант успешно участвовал в замечательном научном проекте под руководством В.В. Шишкина по изучению итнерариев представителей власти Нового времени. По теме диссертации и смежным сюжетам С.М. Рябовым опубликовано 14 научных работ, среди них 7 – в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Автореферат хорошо отражает научный задел автора и основные положения, выносимые на защиту. Дискуссия вокруг этих положений и отдельные замечания с моей стороны выходят далеко за рамки ключевого вопроса моего оппонирования о присуждении ученой степени и сводятся в настоящий момент к призыву продолжать работу и делать новые шаги в изучении выбранного диссертантом многогранного предмета исследований.

В целом, у меня нет сомнений, что диссертационное исследование С.М. Рябова полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук пп. 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней» УрФУ, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Официальный оппонент:
 профессор Центра “Res Publica”
 Европейского университета
 в Санкт-Петербурге,
 доктор исторических наук,
 доцент

Константин Юрьевич Ерусалимский

05.09.2024

Автономная некоммерческая
 образовательная организация
 высшего образования

Воднев Ерусалимский
 Специальный представитель

Зряв.
 Прислать И.В. J

«Европейский университет
в Санкт-Петербурге»
191187, Санкт-Петербург, Россия
Гагаринская ул., д. 6/1, А
Тел.: (812) 386-76-37;
факс: (812) 386-76-39
e-mail: rectors_office@eu.spb.ru